

ИЕРОНИМ АНОНИМ

(Владимир Хиляк)

**СМЕРТЬ И ЖЕНА ОТ БОГА
ПРИЗНАЧЕНЫ**

ПОВІСТЬ

**ИЗДАНИЕ ЛЕМКО-СОЮЗА
ЮНКЕРС, Н. Й. — 1958.**

**LEMKO ASSOCIATION
556 Yonkers Avenue   Yonkers, N. Y.**

ИЕРОНИМ АНОНИМ

(Владимир Хиляк)

СМЕРТЬ И ЖЕНА ОТ БОГА ПРИЗНАЧЕНЫ

ПОВІСТЬ

ИЗДАНИЕ ЛЕМКО-СОЮЗА
ЮНКЕРС, Н. Й. — 1958.

LEMKO ASSOCIATION
556 Yonkers Avenue   Yonkers, N. Y.

ЦІНА 25ц.

ОТ РЕДАКЦИИ

В Календарі “Лемко” на 1957 год описана была біографія лемковського народного поета Александра І. Павловича. Он писал свои высокоталантиви вершы и поемы на чистом лемковском говорі ище в первой половині XIX віка, и с того часу лемковский народный язык стал языком литературы. Послідовавши писатели и поеты Лемковщини другої половини XIX и первой половины XX віков шли слідами Александра І. Павловича, и тоже писали свои творы на лемковском языку. Длятого цілком заслужено в упомянутой біографии Александр И. Павлович названий отцом лемковского литературного языка. В тых трудах наших писателей и поетов не леммы, но и наши будущы поколіния будут находити правду, коли будут глядати источников свойой истории.

Александер И. Павлович родился в 1819 року на Пряшевщині. Свои поезии начал писати в молодом віку. Часть из них была печатана в тогдашних журналах и газетах во Львові, Видню и Петрограді, а часть осталася в рукописях до наших часов. Александр И. Павлович был первым лемковским литератором, но не послідним, бо уж в другої половині XIX віка появилися меже лемками высоко учены люди, меже которыми были талантливы поеты и писатели. Єдным из найбóльше запримічательных был Владимир Хиляк.

В “Коротком Перегляді Писателей и Журналистов Лемковищны”, написаным и напечатаным Д-ром Теофилом Куриллом во Львові 1937 року сказано, что Владимир Хиляк родился 15 июля 1843 року в селі Верхомлі Великой, Ново-сандецкого повіта, где його отец Игнатий был священником. Мати Евфrozина, с дому Парылович, умерла, коли он мал два рокы. Народну школу и 6 класс гімназии окончил в Новом Санчі, потом перенюсся до Пряшева. По окончению теологии в Перемышли, был священником в Долинах, в Избах, в Бортном, и в Литыни, коло Дрогобыча, где умер 13-го июня 1893 року.

Сочинения свои подписувал Владимир Хиляк, або полным именом и називском, або псевдонимами: “В. Нелях”, “Я сам”,

4.

“Лемко-Семко”, “Никий”, “Іероним Аноним” и “Quidam”. Своими повістями с народного життя прославився скоро середи наших гор. До лучших с них належат: “Польский патриот” (1872), “Величие Сердец” (1874), “Супружество и 4 факультеты” (1879), “Русская Доля” (1880), “Великий перекінчик в малом розмірі” (1881) “Шубеничный Верх” (1883), “Да не приімеші имени Господа Бога твоего всуе” (1888), “Послідня Чарка” (1888), “Сім бід за єден обід” (1888), “Счастье не в грошах” (1889), “В грихі и наказание” (1889), “Перва Любовь” (1891), “Не судите, да не судимы будете” (1893), “Женитьба по розсіянності”.

Интересны суть його новелі: “На святого Андрея”, “Смерть и жена от Бога”, “Ци ридати, ци сміятись”, “Упрямые старики”, “Почтовый Рожок”, “Небоженька лучша была”, “Мой бл. памяти Дъяк”, “По совіту врача”, “Не только жену, но и тещу выберай”, “Причина и послідствие”, “Заручины в болоті”, “Не всьо ровно”, “И смішно и жалко”.

Веселы рассказы Владимира Хиляка полны житья и тонкой спостерегательности: “Также юбилей”, “Клара Милич Тургенева”, “Рыба”, “Познал свою жену”.

Сатиры: “На што русски очы дивляться”, “О рості чоловіческом”.

Кромі того дробны фельетоны: “С Новым Годом”, “Я и она”, “Предсказания на 1876 год”, “Дідушки и бабушки”, “Кумедия и чудесия”, “Мудре письмо русского дурака”, “По-єдинок”, “Львовский провинциональный Синод”, “Воды в Высові”.

К полному выданию творов Владимира Хиляка приступил Академический Кружок во Львові, который выпустил их в трьох частях перед другом світовом войном. Четверту часть выдал О. А. Мончаловский.

Дакотры повісти и новеллы Владимира Хиляка печаталися в России в журналах: “Славянский мир”, “Русский Вістник”, “Иллюстрованный мир”, “Орловский Вістник”. О творах Хиляка писал русский критик академик А. Н. Пыпин.

Читателям нашым буде не лем интересно, але и практично познакомитися из литературном минувшином своих предков, о том як писали лемки осемдесят и сто літ тому назад. Мы избрали єдну повість Владимира Хиляка, которую он основав на народной лемковской приповідкі: “Што кому призначено, то го не mine”, або “Смерть и жена — от Бога призначена”. А може и не основав, лем тоты приповідкы на ньом буквально исполнилися.

Шестий час выбил на часах всіх веж пештянських. Свист машини прошиб воздух, штурман сперся на своїм колесі, пароход двинувся горой Дунайом.

Дивне чувство овладіло мном, коли я в перший раз пустився в дорогу кораблем.

Я отвернув мої очі от амфитеатрально розміщеної Буды и от золотосіяючої крыши цисарської палаты, котра, озарена червоными лучами клоняющегося к западу солнца, сліпила мой взор... Я оперся о поруч парадоха и дивився безмысленно в синьи волни Дуная. Ніт! Не безмысленно — се лишь сумне занятие идиота — а я поневольно думал. Мні пришла на гадку давна школъна задача, в котрої профессор веліл нам описати сравнение между человіческом жизнью, а ріком. Як то тяжко приходило мні тогда найти таке сравнение, а як легко днесъ! А вот, жизнь тече, як ріка, як бы и сей Дунай, в границах природных, або силом рук человіческих направлених, то быстро, то повольно — то бурливо, то спокойно. Чым ближе к источнику, к молодости, тым ріка быстрійша, вода яснійша, точно, як и світлы дни молодости... Чым ниже по течению, ріка повольнійша, вода мутнійша — испытанный образ дозрілого мужчины, обреченного заботами, или мрачной, невеселой старости.

Якесь уныние нашло на мене.

Я подивився вокруг себе. На покладі бавилися діти шариками. Счастливы діти. Они не предчувствуют, что незававом придется им бороти с волнами жизни, где нераз тяжко от боли застогнают, точно, як сей пароход, котрого машина сапит, чтобы перебороти сильне течение Дуная. И я подневольно пригадал собі світлы дни моего дітства в родительском домі, по которых слідувала уже меньше беззаботна школъна жизнь — и мои гадки опинилися тут-же на однай точкі.

Я пригадал собі старого учителя первого нормального класса в Новом Місті. Он звался Грабанюк. Он был лысый и

6.

беззубый. Кажется, что тоты два тілесны недостатки он заслужил собі свой старостью. В своем трудном звании он мал довольно случайности торгати собі волосы с головы и грызти тверды оріхи... Он был педагогом особенного рода. Он совсім не держался инструкций, предписанных учителям тогдашньом духовном властью, а был сам для себе инструкциом и усердным исполнителем єй — т. е. он начинал свою науку молитвом и розгом, а розгом и молитвом кончил уроки. Понятно, что мы, діти, меньше печалилися о том, чтобы мати пользу с уроков почтенного старика, як больше о том, чтобы яким нибудь образом уйти или выкрутитися от його наказания, или — як он сам звал — от його "отцовского благословения". Мні пришол на мысель один товариш, с которым мы коло себе на єдной лавкі сиділи и под лавком грали тихцем в карты — в так званого "дурака"...

Не знам больше траги-комичной хвилі понад тоту, в котрой мой учитель пристиг нас на том развлечении.

— Ходи сюда єден и другой! — повеліл громко старик, — ложись тут, не на моих колінах, бо так лишь любящий отец свою дитину наказыває, а ложися на кресло так, як крайни негодяя!

— Я не виноватый! — он мене намовил — упевнялся я, указуючи на моего партнера в игрі.

— Ніт, он! — перебил с плачем мой товариш, держачи себе предварительно за нижню часть тіла, котра была невинно приговорена на чувствование боли.

— Зачым он? — спросил учитель.

— Он! он! виноватый!... бо... бо... обманювал мене в игрі, а я невинно остал дураком, — отвітил ободрівши Роман, што нашол што-то для оправдания себе.

Не смійтесь!... У дітей не считається гріхом саме зло діло, а лишь неловке исполнение його.

— Та-а-к? — спросил протяжно старик, повернувшись до мене, — так?... Я не знал, што ты, Стефан, такий урвиш.

Я молчал в сознании моїй провини.

— Ну, ты Роман, будешь колиси священником, бо ты терпеливый на всяки обиды и нераз в дуракы пошиєшся, а ты, Стефан, будешь или купцом или адвокатом; ты завчасу учишся выкорыстувати добродушне людей. Но пока ложися на стул, а ты, Роман, вычислишь йому пять розог.

Против такого приговора не было рекурсу. Роман вычислил мні точно пять розог; но спасибо йому, они были так легки, же я чувствовал их, як укушение комаром.

— А тепер ложись ты, Роман, а Стефан вознаградит

тобі, — сказав учитель.

Такий род обоюдного наказания виновников опреділял он, когда был в юморі.

Я послушал без малішого сопротивлення и послушал больше, чым нужно было, бо влеченый яком-то незнаном злобом, не жаліл мойї руки и со всем силом вымірил уда-ры, так што Роман при числі четыры, пять в голос заплакал.

— Ты нечестный! — сказал по школі до мене.

— Чом? — спросил я.

— Я тебе щадил, а ты?...

Та укоризна заставила мене засоромитися по уха. Я по-знал, што поступил неблагородно, нечестно и я іскренно, со слезами просил прощення у моего друга.

Вспомин той хвили возбудил во мні пусту веселость, и я сам до себе засміялся. Но сміх мой урвался нечаянно, бо замітил господина, котрый, скрестивши руки на плечах, дивился из противоположной стороны поклада на мене неподвижно, будьто на яку чудотворну ікону. Што он видит на мні? Но тот человік не задоволеный тым, а робит дефіляду по-перед мене и всегда бросає на мене пронизительный взор. Навірно який член поліції! Я мимоволі сягнул по мое портмане и выдобыл из него паспорт, в котором як найточнійше был я описаный; даже и фотография была бы непотребна: Нос долгий, очи темны, лице долгое и худе, бородавка под правым оком... всьо в порядку. Штобы охоронитися от нахального обсервования сего господина, я обернулся лицем до воды и смішал свои думки с синими волнами Дуная.

Гадки о молодости не покидали мене. Я пригадал собі поочередно и на мої літа “подростка”, а с ними припомнул собі и на мою первую любовь.

Во время всіх моих студий в Новом Місті обитал я у одній крупярки враз с моими другими товаришами, и то самыми русскими дітьми из-за чого дом тот слыл под назвом “русской колонии”. Между ними привязался я найбольше до Романа, котрого и всі остальны сердечно любили. Был то хлопец ніжный лицом и цілым тілосложением, як дівочка. Но и характером он был похожий на женске существо: Добро-сердечный, мягкий, чувствительный, уступчивый, отвертый, но при том всегда веселый и осторожный. Веселость його переходила не рідко в шалость, а остроумие в сатиру; но коли случилося йому кого уразити, сейчас просил прощения, и не было никого, кто бы смог погніватися на того доброго хлопця. Єдно лишь не похвально было в нем, что жил в вражді с науком: ни он єй ни она його не чепалася!...

В сусідстві нашом жив єден женатый, но безздітный чиновник, державший у себе на станции єдну дівочку, сироту по русском священнику. С роду он был русином, хотя в чисто польском городі, до того явно не признавался. Праздники праздновал с латинниками, но до сповіди и св. причастия ходил до русского священника, приїзжающего в той ціли два или три разы в год с отдаленного села. Но я все таки увірен, же в г-ні Воловичі не загинуло русске чувство. Коли мы студенты затягнули вечером в огороді піснь "Слава наша козацкая", или яку-нибудь другу, но широ русску, то Волович указувался в сусідном огороді в своїом яркоцвітном долgom халаті, в красной шапочки на голові с люльком на долgom цыбухі. Опершыся о тын, розділяющий оба огорody, он прислухувался нашему пінию в молчании; однакож при пісни, котра йому больше подабалася, можна было видіти, что дым из його файки бухал незвычайными клубами. Похвалы за наше піние, мы из уст його никогда не слышали; но случилося, что из-за плota, чия-то невидима рука посыпала яблока, масляны булочки или оріхи, для нас русских дітей. Раз только, когда єдному из нас пришла на память піснь: "Здравствуй, здравствуй, граф Пашкевич!", котрой наши отцы в 1830-х годах научилися, или може быти в 1848 г. от русских войск ёй переняли, и когда мы при стихі: "Загинула славна Польша совсім, совсім до чиста", не знати по чому, так собі по-дітски, в долоні заплескали, то он с строгым видом погрозил нам пальцем, но ласощы посыпалися и на тот раз.

Так я увіреный, что русске чувство, выссанное с материнским молоком, не може загинути — оно переходит в кровь и соки человіка, и хотя оно обстоятельствами придушене или лишене без подсычающего огня, слабо тліє, то по-при найменьшом подуві заясніє конечно ярком пламеньом. Лишь у людей без характера, котры міряют свое чувство на локти подлого обчисления, котры торгуют убіждением, як єврей старизном, котры с зимном кровью жертвуют свою родну матер на олтарі мамоны — у таких людей, вірю, что чувство своей народности заумерло... Но ніт, оно не загинуло природно, а они насильно умертвили його!... Много галузей отстало от русского дерева и занечистило землю вокруг його; мало вітвей лишилося на нем, но самы здоровы вітви, самы зелены, котры выпустят богато здоровых отраслей, принесут больше пользы русскому дереву, як totы отпавши, згнили вітви.

Не можу проминути, что при тых півческих продукциях воспитанница господина Воловича стояла всегда коло

свого опікуна. Ми вправді малу Аннусю не много виділи, так як она невеличка ростом, не сягала головом понад тиін, но очи єй темно сверкали, як звізды сквозь щелини плота и дивилися с дітським любопытством на нас, беззаботных хлопцев. Што русски пісни и єй нравилися, о том мы бывали убіждены, ибо слідуючого дня она звичайно пробовала в своїй альтані повторити напів тих самих пісень, котры мы минувшого вечера співали.

Днесь, стоячи на покладі парохода, я пригадал собі образ той дівчини. Но ніт, не пригадал, ибо он был мні постійно в памяти, я лише представил собі його перед очи моего духа. Темны косы окружали єй маленьку головку, двое світлых очей, осіненых долгими рісницами, личко біле с двома румянцами, як на яблоку, носок невеличкий, задертий немного в гору, усточка тоненьки, всегда полу-открыты, на которых всегда играл усміх и поводовал дві ямочки на щеках, к тому єй талия, которую ладоню обнял бы, єй дробний ход — всьо, а всьо складалося на єдну гармонийну цілость, яка лишь из рук божественной природы вышла в єдну прелесть, которая могла бы молодого человека с ума свести... Помню, когда она ишла в школу, то люде оглядалися за ньом и говорили: "Яка красива дівчина!"

Знакомство наше началося, коли она была ище семилітним ребенком, а я аспирантом в гімназиум. Но когда я был уже учеником 6 кл. и числил 17 літ, тогда я помню я нарочно глядал случайности, чтобы увидіти Аннусю. Когда я голосно изучал всемірну историю, в нашем огороді, я был убіжден, что моя сусідоночка сейчас укажеся около тына — и мы сможем посмотреть и усміхнути до себе. Иногда ударил мене печально кармельок в нос, в розовой бумажкі, затым роздался притумленный хохот и я отомстил єй тым, што кинул єй рожу. Раз однакожсталося невинне приключение и самое малозначуще, котре сдіало переворот в нашем об юдном отношении. Я бросил єй цілу галузь рож, но так нездарно, што попал в саме лицо єй. Колючки зацарапали... на самом носику єй показалася красна капля крови. Я хотіл было, перепросити єй, но она убіжала. Три дни не явилася она в огороді, а я даром высмотрювал єй. Я был недоволен собом и цілим світом божым, даже стратил аппетит, я котрый іл за двух так, што хозяйка наша стара Петроношка, спросила мене, ци не хворый я, и ци не пішол бы к лікарю.

Но мні не нужно было лікаря, а если необходимо, то ничего, совсім не медицинера и хирурга; о том знал и Роман, который слідил за мном на каждом шагу.

Только вечером четвертого дня я побачил єй. Она сиділа на лавочці коло нашого плота, подперши голову обома руками. Несміло приблизився я к ней.

Аннусю, вы гніваетесь на мене?...

Она не отвічала ничего, а даже и не рушилася, як будьто мой вопрос єй не тყчился.

— Аннусю! — повторил я умилильним голосом, ко-
трый, признаюся, плыл мні просто из сердца.

— Длячого вы такий незграбный? — сказала она с при-
мішком гніва, — через вас я три дни не поважилася вийти
из дому, бо стыдно было, царапини на носу.

— Простите, то уже николи не приключится!

— Побачу, — сказала она, подаючи мні на примірение свою
рученьку и дві ямки явилися опять на єй щеках.

Я стиснул поданну мні руку, не єдну, а обі, и держал
их долго в моих ладонях, а при том дивився єй прямо в оче-
нята, котры сверкали яснійше, чым тоты звіздочки среди
темної ночі.

Як дальше сталося?... не знаю, но я притягнул єй ближе,
руками обнял єй шею, уста мои прикоснулися лица, я чув-
ствовал єй теплый благовенный отдых... Блаженне было то
чувство, но оно тревало лишь маленьку хвилю!... За мном
роздался неистивий сміх.

Аннуся освободилася из моих пристрастных обнятій; я
оглянулся. Перед мном стоял Роман. Он был ужасно блідий,
с його очей блестіла злорадость, а черты лица скривилися
саркастичним усміхом... Он, тот веселый, любезный, краси-
вый хлопец, представлял собом ныні, хотя было полутемряво,
просто отвратительный вид.

— Роман, то нечестно с твоїй стороны! — сказал я гнівно.

— Нечестно? — а ты ділаєшъ честнійше? — возразил он.

Такий отвіт змішал мене. Ціловати в тайні дівчину, до
того 13-літнюю, словом дитину, набити єй голову пустяками
— в том, сознаюся, я не виділ много честности. Тот отвіт от-
верзил мене: но я не хотіл перед другом признатися до вины.
Я покрил мое помішанне дерзостю.

— Я люблю тулу дівчину больше, чым жизнь мою! —
сказал я с патосом, на який лишь 17-літнього хлопца стати
было — а ты, если считаєшся моим другом, должен знати,
што в таком случаю належится тобі быти дискретным. Иначе
квита с дружеством.

— Я знам, што мні ділати, хотя и квита с дружеством,—
научал он мене хрипливым голосом.

Мы розошлись так, як росходятся два неприятели. Зачым

он был так взволнований, я тогда не мог догадатися. Я спал той ночи преспокойно и пресолодко, ибо чувствовал на моих устах сладость первого женечего поцелуя. Но второго дня мні было терпко. Аннуси я не бачил, ни того, ни другого дня, даже пініє “руских пісень” не принадило Воловича и його воспитанницы в огород. Я ходил осовілый, а вслід за мном и Роман. Сколько разов я взглянул на него, столько разов на лиці його отбивалося інше выражение; то отвратительний усміх злорадости, то выраз искренного сочувства, то сокрушение каючогося. Єсли бы я был маляром, то непремінно подхватил бы в нем тогда образ ангела, близкого к падению, — честь и пристрастие боролися в нем поочередно и брали над собом верх.

Раз в неділю встрітил мене Волович на подсіньо.

— Под-ле ту, паничу, мам вам што-си сказати.

— Прошу! — отвітил я с віжливим укладом.

— Даю вам раду, пильнуйте книжки, то на том лучше вийдете, чым на глупых любезничаниях с недоростками.

Я потупил очи в землю, як виновник, котрому читають приговор. Но вскорі дерзость взяла верх, и я спросил:

— Кто вам, добродію, наплел о мні таких небылиц?

— Тот самий, кто бачил, — отвітил он холонокровно — и прото призвал я вас, чтобы вас предостеречь перед малійшим сближенiem к моїй воспитательниці; в противном случаю, у мене єсть непогрішими средство супротив вас и супротив ней... Мое почтение!...

Хотя ирония была мні мало знана, то послідни слова почтенного чиновника звучали иронично. Мое самолюбие и честолюбие (кто-же в 17-ом году життя не єсть честолюбивим) потерпіло чувствительне поражение. В моем внутренньом єстестві горіло, кипіло, пекло... лишь недоставало мні предмета, на котром я мог бы изляти всю желч. Як раз навинулся мні перед очи Роман.

— Ты подлец! — крикнул я на него.

— Я подлец, — отвітил он тихо.

Таке скромне признание могло бы обезоружити и смілого борца, не то мене, звичайного студента.

Як ты сміл денунциовать мене? Ты поліцейский шпіон!

— Я... я справді шпіон, — отвітил он плаксиво.

— Так зачым ты так уподлился? — спросил я його значительно мягче.

— Зачым?... зачым?... не спрошивай мене о том!... Я не тот Роман, што давнійше был, што любил тебе, як родного брата... мні словно в голові помішалося!...

— Бідний друже! Скажи, што с тобом? — просил я його с неложним сочувствием.

— Што зо мном сталося? — озвался он дивним яким-то голосом, — хочешь знати? Так знай: я люблю Аннусю, а ты єй цілувал!... Вот зачым я стался подлецом и обжаловал тебе перед Воловичом! Шмар каменем на мене, бо лучшого я не достоен!

Не таюся, што тото сознанье сильно мене укололо; но лучша сторона моего естества взяла и тут верх. Я виділ перед собом не соперника, но друга, жертву своего пристрастия, и в той хвилі я простил йому нерозум його.

— Не печалися, любезный Роман, — утішал я його, — што мы єдну дівчину любиме, то ничего не вредит. Відь-же мы оба в одно солнце дивимеся и його лучами гріємеся, а никто из нас не скаже, што то солнце есть исключно його собственностью. Так и Аннуся достойна любви нас обох.

— Так, но возможно-ли, чтобы она мене, уже не кажу, любила, а хотя считала чоловіком... Не буде-же она презирати мном, коли про мой донос Волович заключил єй за кару на три часа в темну комнату?... Она не простит мні того!...:

— Пусте, не журися! Я тебе извиню перед ньом.

— Впрочем, друже, мні все ровно, простит-ли она мні, или ніт, — сказал на конец Роман, — но я не перестану єй любити.

— Можешь, я не буду тобі завидувати, — отвітил я с резигнациом.

И мы были по сем розговорі, опять добрыми друзьями, и не обвиняли єден другого в нашей любви, бо никто из нас не виділ веце Аннусі, лем где-то с далека на прогулкі, где не было случайности ни словечком с нею перекинутися. Єсли приснопамятный Цербер мал друге имя, то навірно звался Волович.

Семестр школьный кончился, но я не мог с моїм первом любком попрощатися. По том не виділ я Аннусі николи — и Роман тоже, который не будучи в можности побороти свою до древней литературы, переслан был своим отцом в друге місто на практику аптекарску.

Такы думки о молодости сновалися в моїй голові, коли я стоял на покладі парохода, который нюс мене по чужой землі, по-меже чужий народ... Капля воды в Дунаю жене безпрестанно другу — думал я дальше — и коли дожене єй? В далеком и безкрайном морі найдутся-ли и узнают себе тоты дві каплі? Дурный вопрос, не достоин, чтобы собі над ним голову сушити! А єднак тоты каплі суть образом единиц че-

ловіческих посеред сего моря житеїского — вот, хотя бы Аннусі и мене. — Увидимеся мы даколи? Зыйдемеся мы даколи бодай бы в старости, и устиснем собі руку, як стары друзья, котры в свойой молодости до веселого и погодного неба разом усміхалися?... И спросил я себе: зачым не сподабалася мні ни єдна дівчина?... Чом я не влюбился по сей день в єдном пышном цвіті, а лишь образ полуурозвитого пучка, тринадцятлітньої Аннусі стоял мні перед очами?...

— Ци говорите по-французски, господин? — прорвал мою задуму чый то вопрос. Я повернулся. Коло мене стоял тот самый господин, который попередно так неприлично мене наблюдал, и котрого я за полицеїского шпиона держал. Теперь придивился я йому из близка. Ніт!... Тоты очы, в которых чиста іскренность пробиватся, тото добродушное выражение лица, котре віроятно в слідствие якой-то болізни было исхудале и жолте, но всегда с лагодными чертами, тот приятный усміх — ніт, невозможно, чтобы то был полицеїский шпион.

— “Не пас!” (ніт), — отвітил я. В тых двох словах заключалося всю моє тогдашне знание французского языка.

— Pricepeti ruminesce? — спросил он по хвилі.

На то я лишь отрицательно похитал головом. Мні случилося лишь раз в жизни видіти настоящих румынов семиградских, и то в Пряшеві, на ярмаку, где они волну на продаж привезли. Жива гестикуляция их в разговорі заинтересовала мене, и из всюй бесіды их подхватил я лишь слова “форте дешперат”, котры нісколько раз в их разговорі повторялися. Я был сегодня тоже “форте дешперат, ибо не знал, што отвічати на вопрос незнакомого.

— Tudtya magyarul, az uram? — спросил он мене в третий раз.

Тото я уже понял, а то из моих студенческих літ на Уграх. Конституция угорска издала тогда указ: “В 24 часа научитися всім німцам и славянам по-мадьярски говорить, посему быть”. Что-ж ділати? Мы научилися таки в одну добу того языка, но понимали його не больше, чым язык циганський, єднако окрухи мадьярски лишилися до сегодня в моїй голові.

— Tudom, csak nem sok — отвітил я.

Кажеся, што мой мадьярский отвіт в выговорі и гласоударению проявлял довольно, што я не мал чести причислятися до потомков когда-то славных уральских наїздников, бо на устах моего собесідника заиграла сомнительна улыбка.

— Az tot ember vagyok! — сказал я, извиняючися. Но в сам раз пригадал я собі на пословицу, которую мадьяр має

на поготові супротив славянина и словака. А ну-ж и сей господин, може быти риный славофоб, плюне мні в очы: *Kasa nem etel, tot nem ember* (каша не страва, славянин-словак — не чловік). Лучше признатися, што ты за єден, подумал я и сказал:

“Az orosz ember vagyok!”...

Так я сознался, што я русский, но вдруг заклопотался. Корабль наш приплывал под Ванцово, тот несчастный город, который в сорок девятом году получил от русских войск ужасну незабудьку в бомбах и гранатах. Не опасно-ли, чтобы мадьяр считал тебе за єдно с великороссами, коли ты лишь смиренный галицкий русин? И прежде, чым мой незнакомец смог открыти уста до дальшой бесіды, я уже примітил:

— Ize, kis orosz omber — се есть, я с стыдом признался, што я собі маленький русский чловік, хотя в сущности, єсли и хочу быти єдиницьом великого русского народа. Но незнакомец на послідну дединицию лишь засміялся.

— А вы русский? С Галичины или России?

— С Галичины.

— Но тепер уже возможем порозумітися. И я тоже галицкий русин, но на чужині отвик от родной бесіды.

Истинно я примітил позже, што бесіда його часто отмічалася великорусским выговором и не галицкы акцентом, при том вмішувал он много румынских слов.

Незнакомец мой выпытувался с видимым любопытством за состояние русинов в Галичині, за их политичны и умственны отношения и слушал мой доклад с непрітворным интересом. Мы скоро завязали живый разговор, хотя не знали себе **ни по имени, ни по сословии.**

Между тым змеркалося, а воздух стался холодным и мы были принуждены войти до каюты. Вечеря была уже на столі; мы сіли коло себе и продолжали разговор. По вечери мой сусід нечаянно, и то среди разговора, запропонувал мні гру в карты. Тото предложение не конче приятно тронуло мене. Грati с незнаным чловіком, може быти с рафіновым шулером, (хотя не выглядал на такого, который на чужы карманы спекулює), я побоювался и не отвітил йому ничего.

Незнакомец повидомому вычитал из моего лица повод, для котрого я с отвітом медлил, бо сказал:

— Не бойтесь, мы не будем в гроши грati, а лишь так для забавы в двойку.

— Яку-же гру — пикета, марпаша, або дыркалкы?

— Ніт, тоты гры оставиме для старых тет; в них исход гры не зависит от рахунку, а от сліпого случаю, от глупого

счастья. Я предлагаю, что-то лучше, предлагаю гру, при которой, как в шахах, весь ум должен быть напряженый, если не хочешь дати побідити себе.

— Хорошо, но я не зnam подобной гры в двойку.

— Як не знаєте! Вы насколько я узнал, ходили до школы в Галичині, и то в западной; и возможно-ли, чтобы Вы не знали грati в “дурака”?

— А, а!... О той грi я и не думал.

— Здається, потому, что она несправедливо названа тым іменем, — засміялся мой сусiд.

— Хорошо, грайме.

— Но все таки, можна о малу ставку, бо нiт сомнiння, што гра наша буде больше внимательна и розрахувана, если не будеме грati лишь о саму честь...

— Лишитися дураком? — засміялся я.

— Противно! Прото я предлагаю, что програвший...

— Єдним словом — дурак!

— Так! Што он заплатит свому партнеру, чтобы то?... ну, єдну сигарку, або шклянку пива. Довольно?

Я очевидно согласился.

Мы начали грati в дурака, и то в твердiйшиi род його; бо угорского дурака. Он состоит в том, што єден партнер бере всi асы, а второй, котрому прислугує право первого хода с картом, получат решта карты. Жребий присудил мо-йому незнакомцу штыри асы.

Уже послi нiскольких ходов я убiдilся, што имiю дiло с грачом не абы яким. Хотя запамятал я собi из школьных времен, где так часто в дурака гралoся, различны хитрости и ловушки, а все-таки я не только не мог моего партнера побiдити, но ище должен был и всю свою увагу напряжити, штобы йому не поддатися. Но непредвиженно сдiлal он маленьку ошибку, котром я воспользовался и начал його тiснiti.

— Я вижу, што програм, но добрий воин боронится до послiдньої хвилi, — примiтил он.

— К тому напастник може промахнутися, а тогди есть ище надежда вылабудатися из бiды, — потiшал я.

— Єсли бы така услужливость была свойством доброго грача! — отвiтил он с гумором. — Исход предвижений, про то не завадит казати принести условлену ставку, прежде чym окончиме нашу гру.

— И с тым он сказал кельнерови nисколько слов по-ма-дьярски, но так тихо, што я не слышал, лишь думал, што он велiл принести два стаканы пива.

Гра продолжалася, а мой партнер боронился отлично.

Поневольно пришла мі на мысль опять партия дурака ото-
грана в школі с Романом и наш обойдный проигрыш, ко-
трый мы по волі старого Грабанюка взаимно себе выплатили.
Вспоминка тата снова мене розсмішила. Догадался-ли и не-
знакомець, о чом я думал, што и он розсміялся. Он роскохо-
тался, бо замітил, што отданый другым гадкам, я сділал не-
простительный промах в грі и тым ділом дал йому оружие,
посредством котрого он из оборонительной позиции, мог пе-
рейти в наступательну. Теперь я был принужден употребити
всі мої картоны знания, чтобы не поддатися. Тут ходило не
только о мою честь, но и о ставку, бо я замітил, што кельнер
вмісто условленного пива, поставил дві бутылки вина с сере-
брінними шейками. На шампанське у мене не ставало грошей.
К счастью мі удалось привести к тому, што шансы в грі вы-
ровналися, по чом она незабавом кончилася тым, што я об-
ратно получил асы, а мой партнер прочии карты. Мы узнали
партию за розыгранну, бо треба бы было гру начинати с
начала.

— Славно вы держалися! — сказал незнакомец, подносячи мі стакан вина. — Я обратил його внимание на то, што мы условили лишь яко стакан пива или сигарку, а не шампанське, котре тым менше належит платити, понеже никто не програл.

— Пустяки! — отвітил он, — єсли вам о то ходит, то прошу вас о сигарку, и не буде никому кривды, а таку славну
партию в дурака необходимо шампанским запити.

Я не хотіл с ним сперечатися, лишь подал йому мой
етуп с сигарами.

— Где вы так научилися грати дурака? — спросил он по
хвилі.

— Йще за студенческих часов в Новом Місті. Позже я
николи не грал, аж доперва сего дня.

— Вы ходили в Новом Місті до школы? — изумілся не-
знакомець. — Знайте, што и я кончил там нормалки и не ці-
лу гімназию. Як то хорошо, што мы о том заговорили. Ніт
сомніния, што нікотры тамошни личности будут нам обом
зданы и будеме мати невычерпаный предмет до бесіди. Но
пока што выпийме в воспоминание наших молодых літ, ко-
тры мы в Новом Місті весело прожили.

Мы сердечно чокнулися.

— Теперь мі уже не дивно, што вы так славно в дурака
граєте, — продолжал незнакомец, — за моих времен грали
його не только в свободных хвилях в дома, но и скучных
часах в школі. Помню... вы знаєте Грабанюка?

— Як бы ніт! Он был моим учителем.

— И моим. Отже помню, что єдного разу в час уроков я и мой товарищ грали под лавком в карты. История кончилася тым, што старик нас выловил и казал нам взаимно себе розгами вылупити. Такого рода наказания он употреблял, коли хотіл виновников щадити. Я первый вырахувал пять ударов совиновному, и кажу совістно, весьма легких, бо мні жаль было моего друга; но ледачина Стефан...

Я зорвался с кресла.

— Возможно-ли?... Неужели ты... вы... ты, неужели вы Роман? — заикался я от волнения, в яке мене така неожиданность довела.

— А уже-ж не кто інший, як Роман, точно так, як ты Стефан, с которым я у Петрокошки жил и як с братом любился, — отвітил он сміючися и витягнув к мні рамена. Мы сердечно устискалися.

— И ты познал мене послі цілых осми літ? — спросил я.

— С первого взгляда; и то именно удивляє мене, што ты мене не познал, так што я был принужденый аж обходить, посредством дурака, наше знакомство обновити...

— Извини!... Если бы я надіялся тебе тут видіти, то я в каждом пассажирі отглядувал бы твои черты и кажется, конечно нашол бы... но так нечаянно... Хотя я и думал о тобі собственно в той хвилі, когда ты мене зарвал, то все-таки невозможно мні было тебе познати, бо ты дуже измінился. Ты не тот Роман, полный лицом, с красными щеками... ты пожолк и схуд, а кромі того твоя борода.

— Правду говоришь! — перебил мене Роман, — я отмінился по причині долгой болізни. Жизнь мні спасли, єднак здоров'я у мене ніт уже... Но отложме мы totы смутны гадки! Выговоримеся, можеме и до рана не спати. Во первых скажи, як живешь, што ділаешь, и откуда ты тут взялся?

— Я рассказал йому всьо, як было. Я тогда окончил юридичний факультет и воспитывал приватно діти єдного поміщика. Тот пригласил мене, чтобы я поїхал за ним в Карльсбад, где он теперь лічится. Старий поміщик польский скучал там и конечно просил мене в товарищи в баді, а понеже он прислал мні довольно грошей на подорожны издержки, то я избрал дольший путь через Угры, чтобы за єдним заходом отвідати Пешт, Віденъ и Прагу.

В замін сознался и Роман о своєму состоянию. Он в своєм молодом віку мал необыкновенне счастье. Будучи счетоводом в одной купеческой лавкі, он покупил за збережены гроши єден штатский лотерейный билет и выграл нісколько

тысяч. За тоты гроши открыл собі власну частну лавку и хорошо заробил. Два года тому назад, он оженился. — “Су-пруга моя, то настоящий ангел, — увірял он мене, — як єй увидишь, Стефан, то боюся, што в нью влюбишься!”

Єдно, чого не доставало йому до совершенного счастья, то недостаток здоров'я — и тепер он выбрался в Відень, штоби там посовітоватися у славних лікарей.

— Ты ідешь в Карльсбад, — кончил он, — и я, кажется, пойду тоже там, або в Маріенбад; не знам, где лікари мене вышлють. Но чи тут, чи там, мы будеме могли ище увидітися.

Я спросил його о його недузі. Учувиши от него отвіт, я испугался.

— Правда, што для мене ніт спасения? — сказал он с смутном усмішком.

Я начал його утішати, при чом выдумал с десять слу-чайов, где подобна недуга була радикально излічена.

— Оставме туту бесіду! О смерти ище будеме мати часу говорити, — сказал я, — а говорме тепер о жизни и о моло-дости, а то даром время убігат.

— Я не о том думал... а знаєш о ком? О Воловичі... А о Аннусі ты не позабыл? — спросил с веселым сміхом Роман?

— Як можна таку любезну дитину позабыти!

— Ты, Стефан, любил єй по студенчески, невинно, искрен-но, сильно, пламенно.

— Любил, як знал! — отвітил я. — Другой любви я даже сегодня не знам; а люблю-ли єй сегодня ище, тоже не знам; но образ єй все ище в моїй памяті. Если бы я случайно с нею встрітілся, то не ручаюсь за себе, я бы в ню наново влюбился.

— Мні казалося, што веселе лице Романа помрачилося яком-то тінью, но лишь на хвилю.

— Хорошо. Ты постостоянний любовник, якого собі кажда женщина лишь желати може. Но знаєш, што и я туту дів-чину пристрастно любил и даже днесъ, хотя я уже женатый, люблю єй первом юношеском любовью.

— И не совістно тобі таке говорити? Та што скаже жена твоя на то?

— Але ты міряшь мою жену тым самым локтем, што и други женщины! Но знай, што моя жена становит тут изъя-тие, она знає, што я Аннусю люблю.

— И не завистна?

— Ніт! — увірял мене Роман и роскохотался пустым сміхом.

— Разві Аннуся не достойна любви? — продолжал мой друг, — не достойна, чтобы мы оба єй любили, як того солнце, котре нам світит без взгляда на то, што оно не єсть чийом-то исключительном собственностью? Не так-ли ты мні в той памятной хвилі толковал? Памяташ, Стефан?

— Точно так! Но почему ты єй пригадуєш?

— Потому, чтобы мы оба, два соперники в любви, выпили согласно здоровью прелестной и предоброй Аннусі. Правда, лакіри запретили мні много пити, но хотя бы мні днесь и засуд смерти выписали, я не пропущу того здоровья.

Мы выпили тот тост аж до дна, и не знам, ци не повторяли мы нісколько раз, бо бутылки остали пустыми. Поздно ложились мы спати, и по такой встречі иначе быти не могло. В слідствие шампана, або возбужденных воспоминаний, я сніл цілу ночь о Аннусі. Я виділ єй так, яком она была перед осьми годами, но виділ єй в парі с Романом, и она усміхалася до мене, як до знакомого. Дурний то был сон, а єднакож я пробудился дуже веселый.

Роман встал первше от мене. Я застал його на покладі.

— Ты спиšь занадто долго, уже девят годин! Не жаль тобі, што проспал так прекрасне утро и привлекательный вид на окрестность? — сказал, подаючи мні руку.

— Долго бесідовали вчера, то и долго спалось, — отвітил я.

— А быти може, и долго снилося и то приятно, напримір о Аннусі; тож и не хотілося того удовольствие коротити?

Я сдвигнул раменами, як тот котрый признаatisя не хоче, а отперти встыдаться.

Мы поснідали и розговорилися. Сколько то подробностей из молодых літ и пригадувалося!

Между тым пароход подплыл под Прешбург.

— Я принужден тут попрощатися с тобом, — сказал Роман.

— Не ідешь прямо в Віден? — спросил я.

— За два или три дни я буду в Відню, но тут я должен задержатися, чтобы залагодити купеческы діла с єдном фирмом. Мы ище увидимеся.

Мост понтонный отворился, — пароход маестатично переплыл через сділанну браму и поніже приплыл до берега. С жалем попрощал я моего друга и слідил за ним очами из галерии корабельной. Ступивши на подъемный мосток, соединяющий пароход с берегом, он повернулся до мене ище раз и крикнул:

— В Карльсбаді увидишь Аннусю! Слово чести!

Я не успіл спросити його о близьшы подробности того, бо в той же хвилі інший вид заинтересовал мене. Я виділ, што из толпи людей, ожидающих на березі прибытия парохода, высунулася яка-то стройно наряженна женщина и приблизилася к Роману. Мой друг подал їй руку, больше чым етикетально, поціловав и взял їй под рамя, нахилився їй над ухом с безжемадностю довіреного друга и кажеся шепнув їй нісколько слов. Затым дама обернулася и пристально дивилася на місце, где я стоял. Лице їй я про густый воаль не мог розпознати. И Роман обернулся, ище раз махнул руком на прощање и незадолго изчез мні из вида.

Ты увидиш Аннусю!.. Тоты слова Ромна отбилися приятным ехом в мойй душі. По якой причині? Любил ли я їй ище и теперь? Кажеся, што то всьо значило бы столько, што любити давно минувший сон! Єднакож любопытство, просте любопытство, преобладало мною и наполнило мое сердце желанием встрічы с тьом. Образ їй и гадки о ней не оставляли мене ни на хвилю. Даже в Відню, где я всего лишь два дни забавил, чтобы оглянути в бельведері діла штуки, виділ я в мадоннах Рафаила и Пициана лишь карикатуры Аннуси.

В таком, можна сказать, нетверезом состоянни, прибыл я в Карльсбад. Мойого мецената я застал здоровым — он боліл лишь на скуку, звичайну хвороту богатых лінтяев. Я мал тогда случайность диагнозовать не англійский, а польско-панский “сплин”. Мой поміщик не мал много заняття, кромі іди, сну, зіванья и розпustы. Здоровым он чувствовался тогда, коли його кто побудил до сміху коротко перед обідом — бо по його увірению он доставал тогда отличный appetit, а по обіді любил, если його убаюкают до сну. Така незавидна роля лікаря досталася мні. Когда он почувал в солодких об'яттях Марфея, я мал довольно часу блудити по всіх прогульных місцах Карльсбада — розумієся, не в іншой цілі, як только в той, чтобы встрітити Аннусю. Где лишь можно было надіятися большого стечения людей, я уж непремінно нашолся там. И на концертах Тирольчиков в красной воді и на продукциях гимнастичных япончиков в курсалоні, и на выставкі картин в почтовом домі и на концертах філгармонічных и на русских прелекциах Тургенева и покойного князя Толстого, в кофейни Пупа и в православной церкви и в англиканской молитовні, и в протестантской киркі, — всюда я был. Но дармо ділал я повсюду строгий осмотр всіх женщин и просто импертнентно заглядал каждой из них в лицо, ци не отгадам знакомых черт... Аннуси я не виділ!... Роман

навірно заштутил собі с мене, спогадал я и почал скучати враз с моим меценатом.

Єдного разу, с концом третьої седмицы мого пребыва-
ння в Карлсбаді, виліз я по стромых ступенях до оленього
скока, а отсюда на вершину Петрову, так названу в честь царя
Петра Великого. С любопытством и удовольствием прочитал
я в кореннонімецком краї русски стихы, поміщенны на про-
памятной доскі в честь того отродителя России. Стихи были
сочинены Кириллом князем Вяземским. Я хлотіл их переписа-
ти, но к сожалінню не мал я тогда при собі олувка, а так не
лишилося мнінич другого, як только изучити их на память.
Я в самом ділі принялся за то, коли нараз за мною озвался
звукный женский голос:

— Не мішаю-ли Вам, господин?

Я оглянулся. Запрос сей сдіала нарядно одіта дама, ко-
ло которой стояла друга женщина, повидимому єй прислуго.

— Чым можу послужити? — отвітил я.

— Не изволили бы Вы переписати мні тоты стихы?

— Извините, я только хотіл сділати то для себе...

— А...а... відь мы знакомы! — перебила она мою бе-
сіду. — Не были Вы студентом в Новом Місті?

— Так.

— Ваше имя Стефан!...

— Точно так, — отвітил я, помішавшися.

— И вы не познатае мене?

— Так, — сказал я машинально.

Як было познати єй, коли я не виділ єй лице. Оно было
заслонене густым чорним воалом, сквозь который лишь двое
'очей блестіло. Правда, звук єй бесіды пригадувал мні так як
позабыту мелодію старой пісни — єднако в той именно хви-
лі мні почому то и на гадку не пришло, кто може быти та
женщина.

— Коротка память у мужчин, — сказала она. — Жаль,
што ни єден поет не писалничого на тот темат! Если бы я
чувствовала в собі лишь маленьку поетичну жилку, як же бы
ньом теперъ воспользовалася, вот хотя бы в отношении до
vas, мой господин!... И вы все ище не познаєте мене?

— Так! — отвітил я четвертий раз с ряду, — а то было
уже непростительно глупо со стороны молодого человека.

— То доказ, что у вас ужасно коротка память, — сказа-
ла она, понизивши голос и єдновременно поднесла воаль
и я узріл — знакоме мні лице.

Я узріл двоє темных очей, смотрящих на мене, як бы хо-
тели читати, што в моем сердци таится. Я виділ тот носик

задертий, и тоти усточка коралевы, на котрих почивал теперь слабий іронічний усміх, — виділ и дві ямочки на щеках и всі подробности, по котрих я познал Аннусю! Под впечатлінем такой неожиданности, я закрыл собі очи, як перед лучами солнца и не сміл заглянути єй в лице.

— Аннуся!... прошептал я по хвілі.

— Весьма мі приятно, што вы наконец познали мене; еднако из Аннуси я уже давно выросла, и теперь звут мене Анном.

Я осміліся заглянути їй просто в лице. Она выдержала мой взор спокойно, іні вічками не моргнула. Истинно она была теперь Анном — полном и пышном красотом, што не було бы гріха и на коліна упасти перед ньом.

— Што за счастье встрітитися с Вами так несподіванно! — проговорил я заикуючись, желаючи том утертом фразом покрити мое помішаніє.

— И для мене тоже счастье, что я встрітила благородного рыцаря, ізвістного мні из свойої віжливости ввиду женщины ище из школьной лавы, — зашутила она с веселым сміхом; — Но чтобы вы той славы не стратили преждевременно, то позвольте подати мні свое рамя, попровадивши мене до свойої обители.

Я молчкы исполнил єй желание. Я не знал, о чом начинати с ньом розговор, и сердился сам на себе, на свой язык, як колок неповоротливий. Но по первых хвилях тяжкого молчания Анна начала мене вывідувати за мою жизнь, за знакомых. Она безпрерывно ставляла мні вопросы, накотры я ледво нісколькими словами отвічал, так што она могла бы выдати мні свідітельство, што я грав тогда ужасно глупу роль.

Крутymi лісныма стежками сошли мы на паркову улицу. Перед домом, который носил имя славного Ленсинга, заявила мні моя красавица сопутница, што она тут живет. Я хотіл было попрощатися, но она с улыбком сказала:

— Извиньте, наше обновлене знакомство не должно кончитися на єдной монотонной прогулькі. Кажется, не сділає вам неприятности, если я познакомлю вас с моим мужем. Я увіренна, по сходству ваших характеров, вы станете с ним искренними друзьями.

“Она замужна”! ... — подумал я собі. — То ізвістие, сознаюся, стиснуло болізенно мое сердце. Я в душі проклинал и себе и єй и Романа, который своим болтавњом возбудил во мні ненужну охоту увидіти Аннусю. Прежде, чым я мог роздумати, што мні ділати, идти-ли за єй приглашением, или

просто біжати, она была уже на сходах и сказала: Прошу за мном!

Ніт! Будь што будь, но для мене столько и приятности в том скучном Карльсбаді, что буду в ей обществі, надивлюся на єй хороше личко и наслухамся єй співного голоса. А потом, за дві неділи, уїду домів и буду мечтати, или забуду о ней!... Мні буде здаватися, что то был приятный сон. Ніт, то не сон, а діствительность!... Аннуся открыла дверь. Мні казалось, что над дверми выписаны огненным письмом Дантеїскы слова:

“Lasciati ogni di speranza, voi chi que entrate...”

Так тут живе єй муж... моя безнадежность!... С такими чувствами вступил я в салон.

— Ха! ха! ха! Так я должен был аж жену послати в поисках за тобом? — озвался извістный мні голос.

— Ты тут?! — изумілся я. — Я читал приліжно список сдішних гостей, но твоего имени не нашол.

— Я доперва два дни тут, тож не мал іще часу записатися. Но святиться тот список. Благодаря йому мні удалось найти тебе. Я сам не мог тебе глядати, бо видишь, что я прикований к постели; а моя жена когда спросила в готелі за тобою, получила отвіт: “Он всегда на прогулкі, мало дома сидить”. Неужели ты стал блудным рыцарем, который глядат страчене счастье?

В том душевном состоянни я второвал бы шаленому юмору моего друга, но теперь бесіда його заколола мене своим острием. Может быть, что Роман вычитал то из моего лица, бо зараз переміnil он тон бесіди:

— Но! но! Не гнівайся за шутки. Видишь, что я стою уже перед дверми вічности, тож хочу отворити их весело и привитати с шутком стару костищу сваху... Жену мою излишно тобі представляти, бо ты знал єй давнійше, и то дуже близко, — добавил он с натиском.

— Роман! — упрекнула його жена.

— Ну, адже ж то не гріх, что первый поцілуй украл мні приятель; а что тот поцілуй был вкусный, то тоже не гріх!

— Роман, я направду погніваюся на тебе.

— Даруй, душечка! А в доказательство, что прощаешь мойей шаловливости, подай мні хотя єден свой пальчик уціловати.

С приязним усміхом подала йому Анна свою руку.

Мні было маркотно слухати и дивитися на таку сцену.

— А теперь, голубко, — казал дальше Роман, — позволь приготовити для нас вечерю. Для мене звичайний кур-

кост, но для Стефана что-нибудь хорошего, бо он здоровый, хиба же хворый на зболіле сердце, але в такй недузі єсть звычайно отличный апетит.

— Ты в самом ділі больный? — спросил я Романа, коли Анна удалилася в прилеглу комнту. Вопрос тот был неумістный, но я не иміл другого предмета до бесіды.

— И ты сомнівашся? — отвітил он. — Перед женом я не признаюся и притворяюся веселым, хотя чувствую, што хвили мои почислены. Перед тобом не мам причини таїтися, што я уже перестал вірити в чудотворность наших медиков.

Я почал його утішати сколько мог и знал, но он лишь покачал головом.

— Штобы ты не сказал, а я вірю, што ніт на світі такого легкодушного человека, котрый не успіл бы хотя раз освідомитися о состоянии свойого здоровья. И я, обчисливши с моими силами, убідился, што я на здоровью совершенній банкрот; а штобы Бог ісключно для мене яке-то чудо творил, того не надіюся... Лишь єдно тебе прошу: не прояв мойого состояния перед Анною. Правда, она не влюбилася в мене, бо я не єй идеалом, но все таки она почитає мене, и я знаю, што моя смерть троне єй болесно. Не причиняйме єй болізни перед часом; буде єй мати довольно, коли я мертвым паду!

Тут склонил Роман печально голову в постели. Я не знал, што йому отвічати. Потішати його по такой исповіди, казалось мні не то неумістно, а просто оскорбительно и для него и для мене, бо он мог бы сомніватися в мойой іскренності.

Таке печальне состояние його души не тревало долго. В нашу комнту вошла Аннуся. Он потряс головом, будто бы хотіл отрясти сумны думки и лице його засніло пустом веселостю, як у пятилітнього хлопчика, котрому сунут милу забавку в руку.

Вечер провели мы надмірно весело, до чого причинился найбóльше Роман своим невычерпаным юмором. В виду того я позабыл, што тот человек находится в предчувствии смерти. Што касається його жены, то она обращалася со мном откровенно, як с братом; вся несмілость, котру я недавно іще в єй присутствии чувствовал, изчезла тепер, як дым. Излишно, кажеся, упоминати, што мои новы (або лучше сказати — стары) друзья просили мене, штобы я посіщал их кожде свободне время и што я от сего приглашения немножко незручно отпрашался. При прощании проводила мене Аннуся до передной и там, подаючи мні руку, сказала тихо:

— Прошу вас, при вашом посіщении не возражайте Роману в ничом, и соглашайтесь на всі його желания, хотя бы

они казалися вам неліпими и смішними. Он черезчур дражливий по причині своєї слабости.

Я обіцял ділати по єй желанию и пожал ей руку немного кріпче, чым то при звичайному прощанні ділається.

Слідуючі дни не виділи мене на прогулькі по романтично гладким тротоаром до дому Ленсинга.

— Хорошо, що ти сьогодні посітил нас! — сказав мі Роман. Я чувствуєся значителю здоровішим, а слідовательно и повеселіл.

— Не толькож повеселіл, а и пустує, як дітвак, — подвердила його жена.

— Хлопець, як не пустий, то ничего не вартат, — отвітил на то Роман. — Ви, жінки, знаєте о том найлучше, бо звичайно влюблюєтесь в найбільших пустогонах.

Аннуся погрозила йому пальцем.

— Благодарю за предосторожение; оно значит, що ти мене любиш, понеже я пустогон!... Лишь за то, а не за іншы свойства, не так то?

— Єсли конечно упераєшся на своїм мнінні, то я согласна. Я хочу быти послушном женом, но все-таки мі інтересно знати, якы то доказы маєш на то?

— Напротив, ти должна мі объяснити, почему жінкам легкодухи нравятся? — возразил Роман.

— Єсли так, то знай, що єдинственно потому, што легкодухи по-при своєй легкой голові мають звичайно добре сердце.

— Я задоволений твоим отвітом, бо хотя в нем заключається маленька доза комплиманта для мене, то ище можу заключити, що ти віришь в мое добре сердце, спасибо!

И послі он пожал сердечно руку своєї супругі.

Подобны ніжности бывали мі всегда неприятны, и я сердился тогди и на Романа и Аннусю. Не выглядало-ли то, як бы они завзялися оказувати свою любовь перед мном останційно, чтобы выставляти мою зависть на тяжку пробу?

— Моя Анна, то рідкий екземпляр жены, — сказав на добавок Роман, обернувшись до мене.

— Я убіжденый в том, — отвітил я, уклонившися с легка Анні.

— И потому, кажеся, ты любил єй когда то, — засміялся Роман.

— Роман! — упрекнул я його голосом, в котором можно было замітити доволину дозу горечи. Аннуся не замітила на то ничего, лишь вишла за чым-то из комнаты.

— Прости Стефан!... прости мою шалость, на счет луч-

шого состояния моего здоровья, бо не знаю, буду-ли я ище когда-то так веселый.

Ніт, гніватися на него было не возможно.

— Знаєшь, Стефан, — сказал он послі короткого молчания, — мы могли бы по стародавнему звичаю заграти собі в дурака?

— Если тобі напряжение умственных сил не вредно.

— Ах, ныні я веселый, и на том конец. Хотя плоть немощна, то дух бодрый!

— Як ты годишся, то я готов.

— Но со ставком, так, як мы играли на пароході.

— Як твоя воля.

— Што-же ставляєш?

— Што тобі угодно.

В той хвилі повернула Аннуся в комнату.

— Я ставляю мою жену! — сказал он, сміючися. — Лишня дураком, лишуся и жены.

Я мало, што явно не розсердился по причині такого предложenia, которое мене так укололо, як когда бы я послышал личне оскорбление. Лишь вспомнул я, что я обіщал Аннуси не противорічити йому, воздержало мене.

— Не нужно и грati, — примітила на то його супруга, — кто жену на карту ставляє, то тот и без того...

— Дурак!... — дополніл Роман. — Словно!...

Но прости, душенька, и сама розсуди, што не грал бы с увагом, и мой друг тоже, если бы надгородом выграной не была ставка, а при том так безконечно цінна!...

— То всьо хорошо, — вмішался я, — но як ты знаєш, што я не в состояний поставити што-то ровноцінного твойої ставкі.

— Ставляй што-нибудь.

— Ровноцінного! — кликнул я с притворным нетерпінем.

— Ну, так єдного шестяка! — засміялся он.

— Вот, як wysoko цінит вас муж! — сказал я, обернувшись до Аннуси.

— Я себе выше ціню; поставте што найменьше пятьнадцет центов, — сказала она.

— Пристаю, — согласился Роман.

— Но я не пристаю, — возразил я, — я вас, госпожа, ціню значительно выше, чым вы сами себе ціните, не говорячи уже о ледачом Романі... Я ставлю всьо, што мам найдорожче — мою жизнь. Як програм, стану вашим невольником.

— Га! га! — отзывається в тобі стара жилка, — шутил

мой друг, — но пусть буде и так; мні всьо ровно, коли лише моя жена согласна.

— Я согласна, мні тоже всьо ровно, ци продаєш мене за “шустку”, ци міняєш за господина Стефана, — отвітила она с іронією, причом наклонилася глибоко над канву, котру в руках держала.

— Єднакож стережися, Стефан, — докончил Роман, роскладаючи перед мене карты до тягнення — і грай по математическій точності, єсли хочешь виграти мою жену, бо і я доложу всіх усилій, щоби єй не стратити.

Хотя предложение того было только шутком и выскоком різкої веселості моего друга, то мні и так казалось, што я граю о собственне счастье. Я грав словно по математическому обчислению; но и Роман не хотіл так легко програти свою жену.

Был уже вечер, когда партия кончилася. Она была розограна...

— Завтра от нова! — сказал Роман.

И слідуючого дня мы знова начали гру, но до вечера не могли єй окончiti. Каждый из нас сковал свои карты в карман, чтобы при случайности продолжати гру. В третий день я начал ризиковати, чтобы лишь окончiti чым скорше. Роман сначала не полапался, а когда на ловушці познался, было уже за поздно.

— Сталося, я програл тебе, Анно! — сказал он с коміческим смутком.

— Надіюся, што выкупиш мене из пліна, — отвітила она.

— Я не богатый на столько, чтобы заплатити за тебе по стоимости.

— Так зачым же ставлял ты мене на карту? Легкодушний человіче!

— Сталося! Каюся!... Теперь рад собі сама и выкупся, як знаєш. Може за єден поцілуй Стефан тебе пустит на свободу?

— И в добавок “шустку”! — вмішался я, подреживаючи юмор моего друга.

— Шестака уже я заплачу, а ты, Аннусю, сділай мні ту прислугу и поцілуй Стефана; відь же ты и так стала його невольницьом.

Такого исхода наших шуток я не надіялся. Я думал, што Аннуся сама упрекне мужа за його шалость; но она противно, без всякого противорічия, поднеслася с кресла, и хотя немного покрасіла, но твердо поступила ко мні. Штоби такому

дражливому состоянню надати приличніший оборот, я віжливо уціловав єй руку, но в той же хвілі почувствовал, що єй уста прикоснулися легко моєго чела. Тот поцілуй добил мене!

— Га! га! ... який с тебе нездара, Стефан! — засміялся Роман. — Я на твоїом місци выкорыстал бы иначе таку случайносьть. Поцілуй луснул бы на цілу хату!

— Довольно и того, Роман, чтобы удовлетворити твоему страпленому желанию, — отвітила холодно Аннуся.

Хотяй Роман забавлял нас и послі своим остроуміем выюл Аннусю в пусту веселость, я єднакож был малословным. Мні было в души неспокойно, а в сердци дурно...

Я незабавом попрощался с моими друзьями.

— Так я люблю Аннусю! — думал я по дорозі, — люблю єй цілым жаром першої любви!... Чого же таити того перед собом? И не утаишь! Но тот поцілуй єй чистых уст отворил и уста твоего сердца до бесіды, котру ты даром усилюєшся притишити! Но кого же ты любишь?... Она не може быти твоем... она супруга другого чоловіка, твоего друга!... Где же честь? Где почитание священnoї связи супружескої?

Вернувшись домой, я застал моего мецената, як звичайно, спячого. Мні стало в комнati душно — я открыл окно. Свіжий воздух обвіял холодом мою росспаленну голову. За мало холода!... Я выбіг вон. Як сумасшедший біжал я про-менадом. Люди оглядалися за мном; я знал о том и знал, што несу капелюх в руках, не на голові. Я біг до ліса и там в тіни граба упал на землю.

О чом я думал тогда? Я знаю, что я много передумал — и ничего не выдумал. Я не в состоянии передати вам мои гадки, які блукалися в моїй голові. Хаос, як перед созданием світа! Темнота и світло, холод и огонь, любовь и честь, зависть и пристрастие — всьо то боролося и мішалося в моїй голові в одну непонятну смісь. Только вечером розъяснилося в моїй душі. Што же ділати? — спросил я сам себе. Любишь женщину, но позыскати єй любовь, то похоже на просту крадеж! Не остаєтьсянич іншого, як голос сердця притлумити, а от предмета любви утечы... Так утікати чым скорше, утікати, пока не поздно!...

Слідуючого дня я сообщил моему меценату, что я хочу повернути домой, — єднакож он не мал охоты с Карльсбадом так скоро попрощатися. В глухом галицко-русском селі ожидала його больша скуча, чым тут, и он заявил мні категорически, что не отьїде, пока сезон не кончиться.

“Я перший приїхал, то послідний отьїду”, — сказал он.

Через три дня я не выходил из комнаты; то было най-лучше средство, чтобы с Аннусом не встрітитися. Шалений, отчаянный гумор овладіл мною в тоты дни. Толстый шляхтич радовался, что я помогал йому убивати скучне время и возбуждал у него хороший аппетит. Он не знал, яка горечь росплилася во мні, який огонь палил мене внутрі...

Четвертого дня досвіта я получил маленьку карточку: "Господин Стефан! — стояло там написано, — мой муж опасно больный. Приходите! Спасайте друга! Спасайте мене!"

Хотя на карточці не было подписи, я догадался, что то письмо от Аннусі. Мое тверде намірене не встрічатися с ньом, розвіялося в той-же хвилі и я поспішил там, куда мене приглашал призыв страдающей, мною любимої женини.

Роман лежал без памяти.

— Он страдал той ночи невысказано, — сказала мні с плачем Аннуся. — Каждого дня ожидал он вас; но вы видно погнівались на нас...

Я оставил тот вопрос без отвіта и поспішил призвати найславнішых врачей. С большом трудностью нашол их трьох. Они позволили прислушиваться мні при их совіщанні. Два из них изрекли холдно приговор смерти, но третий младший, уперался, что есть ище надежда жизни.

Он буде жити! — увідомил я Аннусю.

— Благодарю вас за туто новость, — отвітила она, ухвативши мою руку в обі ладони, и горяча слеза упала на мою руку.

Доктора, котрый заявил, что Роман може ище жити, я просил остатися, других двох отправил с гонорарем.

— Скажите мні откровенно, — спросил я його на особности, —яке состояние больного?

— Продолжити жизнь ище немного можу, но лишь продолжити, — отвітил он, — но на як долго, того не в состоянии обчислити. Впрочем я не таюся, что лік, котрый я запишу, ризиковный и должен подаватися йому точно, на минуты.

— Согласен и на ризико, — отвітил я, — ділайте по своєму убіждению, а я беру на себе точне исполнение всіх ваших предписаний.

Я остал при пациенті. Рецепта на лікарстві гласила, чтобы подавати його хворому в кажду чверть часа. Я взял на себе туто обязанность. Роман спал, но неспокойно. Отдых його был ужасно тяжкий. Цілый день и цілу ночь просиділ я при його постели и не опоздал с лікарством ни єдной минуты. Утром посітил нас доктор.

— Есть больше надежды, чым я надіялся, — сказал он.

— Прошу лишь дальше точно подавати лік и часто оклады смінняти.

День я продремал на креслі в ногах хворого. Аннуся пересиділа у голови. Ми по більшої часті молчали, а якщо же і перекинули нісколько слов, то они касалися Романа. Єси я часом взглянув на їй лице, то я сейчас обращал мой взор на больного; я всегда виділ слези в їй очах, а на їй печаль я не мог смотріти.

Вечером другого дня она совітавала мні, щоби я пошол отдохнути немножко. Я послухал їй и положился на софу. Проспавши два или три часа и отсвіживши тым утомленны сили, я пошол в комнату больного. Первый взор бросил я на Романа. Он все іще лежал без памяти, но отдых його казался мні уже значительно лекшим. Другий взор мой пал на Аннусю, она задремала в креслі.

Ни єден маляр, кажеся, не вымалювал бы в своїй фантазии такого красивого образа, спящого ангела, якого подлинник я виділ перед собом. Темни шолковы рісницы закрили їй очи, румянец облив їй прекрасне личко, полуоткритий рот отслоняли ряд білых перел зубов, чорни косы безладно розпущенны, закривали їй лебедну шею, а руки опустилися безвладно на подолок.

Долгу хвилю стоял я перед ньом и наслаждался їй видом. И замолкши на даяку хвилю, сердце, озвалося опять голосно... Оно має свой власный закон! Необдумавши, что ділаю, влечений лишь єдним горячим чувством, я пал перед ньом на коліна, унял їй руки и начал их обливати слезами и осипати поцілуями.

Не осуждай мене за то, почтенный читатель! Я за много полягал на силы свого розума и он не остерг мене!... Да и не дивно; если єден сторож стереже безпрерывно днем и ночью, то он навірно уснет. Так и тут: розум заспал, а пристрастие перехитрило мене...

— Кто тут?... — ужаснулася Аннуся, проснувшись. — Кто?... што вы ділаєте господин Стефан?

— Я?... я не знам, што діlam, — говорил я с волнением, — я лишь знам, што я люблю вас сегодня так искренно и плаценно, як любил когда то, обожаєма Аннуся!...

— И вы смієте мні говорити такы слова в присутствии моего умирающаго мужа, котрого я до смерти любити присягала? — сказала она с гнівом, но руку свою не освободила от моих пристрастных поцілуев.

— Простіть! Не презирайте мене! Я одуріл! — сказал я без ладу. — Я люблю Романа и почитаю його священне право

во, и возьмите под увагу мое безуміє и то, чим мое сердце преисполнено... и не презирайте тепер мене, Анно!

— Прошу вас, но под условием, — сказала она взволнованно, и тут голос єй стался значно мягший, — что в будущности будете щадити мене... мой супок... мою честь...

— Буду! — отвітил я твердо, — інакше стыдно бы мні было моїй святой любви. Затым прощайте!... Сердце мое лишаю вам... но дайте мні хоть єдно словце надежды на дорогу, Аннуся!...

— Ниякого слова! Прощайте!... отвітила она тихо.

— Скажте, што не забудете мене... не забудете тоту світлу хвилю в нашої молодості!...

— Не жадайте от мене таких річей, — перервала она мою бесіду, — покажте сами, што мужчина должен быти сильнійший от женщины!

— Ваша правда! — сказал я с резигнациом. — Розойдемся без слова прощания, розойдемся без гріха, то також буде отрадно в моїй порожньої жизни! Прощайте, до свидання! — тут или там!...

— Помилуйте себе и мене, то и Бог нас помилує!

То было єй поспідне слово, котре я при дверях услышал. Я постоял хвильку в передньої, оперши горячу голову о стіну, и долонями гасил огень, котрый мене палил в грудях.

Нараз услышал я голосний плач в комнаті. Уже рука моя хватила за клямку, чтобы вернутися ище раз и обняти любиму... но я переборол себе.

“...Помилуйте себе и мене, то и Бог помилує нас!... — сказала она. Тото завіщаніє єй хотіл я чисто сохранити и так с нею розлучитися.

Сказати, якими дорогами, якими улицами я блукал, пока достался до свого обиталища, я не в состояниї.

Довольно, што начало уже свитати, коли я, не роздіваючися, кинулся на постель. Я чувствовал шум в голові, но скоро заснул. Коли я проснулся, удивило мене, што я лежал роздітый и на голові чувствовал холод будь-то от леду. Около постели увиділ я повседневне лице моего покровителя шляхтича и друге лице с величезными очками на носі. Я познал в нем лікаря єдного из тых, котры были у Романа.

— Лучше вам сегодня? — спросил мене лікар.

— Разві я был хворый? — спросил я.

— Два дни уже в горячкі бредиши, — объяснил мой медиценат. — Што тобі приключилося?

— Не знаю!...

— Надмірна радость, перестрах, или печаль? — спросил лаконично доктор.

— Может быть... мой друг опасно болезный... то-ж я...

— Так!... так! ... то от смутку, — потакувал доктор, оглянувши мой пульс. — Опасность минула...

— Я чувствуюся совсім здоровым!

— Совсім то ніт! — сказал врач, — но молодость переборює не єдну болізнь и вы єй пореборете, но могло горше статися!

Молодость поборола недугу. Я встал незадолго, но лишь тілом выздоровіл, а не душевно. Там загніздилася болізнь, на котру ніт ліка в аптеках!

Над всяке ожидание мой меценат наглит теперь до отъїзда и тым лишь предупредил мое желание. Во время короткой моей недуги он стал снова скучати и для развлечения начал грати Фараона с добрыми людьми, котры не встыдалися вытрясти значительну сумму из його кармана. По той причині обряд йому Карльсбад... И для нього и для мене было приятно утечы чым скоршє.

Перед самым отъїздом вручила мні прислуго билет от Аннуси. Лишь нісколько слов стояло на нем: "Благодарю! Буду молити Бога о силу для вас и для мене. Муж здоровий, врач ручит за його жизнь. Я сказала Роману, что вы уже отъіхали. Жаловал, што не простился с вами, як с братом. Вместо нього, я прощаюся. Прощайте. Анна."

За што она мене благодарила? Навірно за то, што я не посітил єй дома больше, што не пришол в искушение помішати єй спокой. Як будь, тоты слова, писаны дрожащом руком, лишилися мні, яко дорога памятка, а надежда в успіх єй молитви ободрила мене до борьбы с пристрастием.

Приїхавши на родину, я пришол к убіждению, што найлучшим средством на несчастну любовь есть труд. Я принял штатскую службу. С усердием исполнял я мои обязанности, то есть, я стал робочом машином, котра без отдыха выписувала значительне количество рефератов. Казалось, што во мні не было ни души, ни чувства... Товариши звали мене диваком, дикым одлюдком и т. п. за то, што я избігал товариства. Я по правді сторонил от нього, бо ни за што не хотіл встрічатися с женщинами. Єдна женщина нанесла мні глубоку рану, и за то я зненавиділ цілий род женский. Справедливо-ли было то или ніт, я того тогда не розсуждал, бо я жил изъятим житьем, чым други люде. Я стал безчувственным и на свою и на чужу боль, слышал в суді с злорадостным удовольствием жалобы селянок на невірность своих мужей, или

их побои; но с ровным удовольствием любовался и собственном болізнью. Я нерідко отвергал заскоруплену рану моєго сердца, вспоминаючи сильветку Аннуси, и проклинал себе и єй и Романа и всіх виновных и невиновных, хотя в моем несчастью никто не был виноватий, разве єден Бог; но для Него я ище не потерял должностной почести. Я был сыном бого-боязnenых родителей, котры мене религиозно воспитали, тож в ненависті мойої до цілого світа я не важился Бога тронути. Я молился всегда, утром и вечером; но жаль, што молился я с таким вниманием, с яким утром мылся или причесувался. Не было души во мні, ей вискала безнадежность. Я знал свое состояние, знал, што моя жизнь тяжка мні, бесполезна людям — я мерзился сам собом. Раз пришло мні уже на мысель самоубийство; и знате, што мене воздержало?... Мое честолюбие! Я надіялся за мою ревності в службі аванса — бо желал я собі лишь такого місця, где бы я мог на моих подчиненых отплатити, отомстити, отсековати, всю горе жизни, которой я скусил. Смійтесь сегодня з мене, но при том и соболізнуйте зо мном тогдашним чоловіком.

Так прошли два роки. Памятам, єдного разу я зашол так по звичаю, в місцеву церковь и попал на саму проповідь. Священник розберал в наукі свойой провидінне Боже. В простых словах выложил он, што нич в мірі не дієся без волі Його... и хотя нераз кажеся, нашему несовершеному розуму, што то есть злым, оно все-таки в послідствии оказуєся полезным и спасительным для чоловіка. Я первоначально слухал с холодным скептицизмом тоту проповідь; но єден уступ єй, будь-то нарочно приміненный к моїй жизни, все-таки тронул мене: "Нерідко люди в несчастью нарікают на Бога, будь-то Он несправедливый и невинно их карає, — говорил почтенный учитель. — Человіче! Не Бог несправедливый, но ты несправедливый в суді о ділах Божих! Єсли ты был всегда счастливый, ты позабыл незабавом о Богі и о твоих высших, святих должностях; а в несчастью лучше о Ньом и о тых должностях помнишь... Если послі несчастья настане знова счастье, не будешь-ли знал лучше оцінити його?... Не красшели небо послі бурі, не вкуснійша-ли сладость послі горечи?" Я призадумался над тими словами. Истинно, — сказал я собі, — відь-же Бог не може мати удовольствия в том, чтобы ссылати на мене страдания без ціли; то лишь я в состоянні ненавідіти людей без причини!... Если Бог допустил, что я с Аннусьом встрітилися, то навірно на то, чтобы послі горечи наділити мене полным счастьем, чтобы я Бога больше хвалил!...

И повірьте мі, я виходив з церкви з надеждом на яке-то неопреділене счастье, а пришедши додому помолився вечериом первый раз с чувством, и со слезами просил Бога прощення... И казалось мні, что сам Отец небесный говорил мні: "И ты, недобра дитино, думал, что я не виділ твоих страданий, и не знал на что они тобі полезны?"... Я нашол отраду и спокой сердца, бо отнашол страчену віру, а с ньом цілый світ представлялся мні совсім інакше. До сих пор казался он мні мрачный, недружелюбимый, зимний — днесъ я был готов обніти братски всіх людей и пригорнути их до моїй груди...

Того-же самого дня получил я письмо из почты. На почтовой стампилии стояло имя города Сатмар. Я знал, кто там жил и додумувался, от кого того письмо. С недоумініем распечатал його. Из конверта вынял я два письма — єдно запечатане, а друге закрыте. Почерк посліднього был мні аж надто хорошо знакомый и он вызвал знова всю то, о чом я до сих пор напрасно старался забыти. С бьющим сердцем начал я читати. "Почтенный господин Стефан! Опечаленна вдова по утраті свого дорожайшого мужа, который дня 15. II. в Бозі упокоился, пересылає його письмо Вам, которое он за житья собственноручно написал и запечатал. Помяните душу вашего друга!"

Два противоположны чувства волновалися в мойом сердци. Неложный жаль по утраті щирого друга, а с другой стороны усміхающаяся надежда... Бідный Роман! Ты аж смертью свойом окупуешь надежду для мене!... Но чого-же то желаешь ты от мене из-за гроба?...

С боговійним трепетом, як бы я заберался до розмовы с духом, распечатал я друге письмо.

"Любезнійший друг! Коли totы слова дойдут до твоих рук, мене уже не буде меже живыми. Перед смертью отзываюсь до тебе, единственного моего друга, который навірно скоче исполнити мое желание, бо вольом мойом я не хочу тебе вязати. Послухай друже:

"Коли я о Аннусю старался, она положительно сказала, что отдає мні свою руку, а не сердце, бо оно принадлежит ище с ей юного возроста кому другому. Я знал кому — и ты, Стефан, знаешь тоже. Но не взирая на то, она была мні найлучшим другом, а я любил єй больше чым жизнь мою. Жизни мні не жаль, но жаль тых счастливых, а так коротких хвиль, которы я с мойом женом прожил. Єй счастье хотіл бы я и по смерти обеспечити. Тот дорогоцінnyй бисер складаю в твои руки, Стефан! Если ты свободный, если не связанный с

ким іншым, а любовь твоя к Аннуси не остыла іще, возьми єй за жену. Я знаю о произшествии между тобом, а нею в Карльсбаді. Анна не мала тайн перед своим мужом. И ты не должен стыдатися перед мном тым, што ты тогда сділал, бо то было собственно моим ділом. Я сам, видячи смерть перед очами, нарочно сблизил вас до себе — лишь того не предвиділ я, што ты по той причині так тяжко страдал. Прости друг!... Еден день сожития с Анною положил камень забвения на два года твоих страданий. Вашъ союз я благословляю умирающей рукой и Отца світа буду молити любви, мира и спокою для Вас, а зато помяните в Вашом счастью душу вашего друга Романа."

Искренними слезами оросил я того письмо. Я утратил друга, котрого благородный характер и вся красота души проявлялися из каждого його слова. Он извинил и простил мое унижение в Карльсбаді, и сам кладе в мои руки найдорожшу його сердцу — Анну!.... Будь же причтен к лицу святих, праведный Роман!...

Минуло нісколько дній и я отправился в Сатмар. Посітити Анну в єй домі я не осмілився. Мні казалося, што то значило бы столько, што тронути святотатском руком єй священну болізнь и по смерти мужа. Я зашол в місцеву церковь, надіючися увидіти там обожаєму женщину. Я не ошибся. Одіта в грубу жалобну одежду, она перешла около мене и хотя глянула на мене, не изъявила ни малішого удивления, што узнала мене. Я был и тым задоволеный. Мое жаждуще сердце искало насыщения и насытилося єдным взором моего ангела и любовалося ним цілый год.

В годовщину смерти Романа я был опять в Сатмарі и встрітил Аннусю тоже в церкви. Я примітил, што она на окончанию богослужения шептала церковному прислужнику ні сколько слов и вслід за тым ушла. Понамар приблизился ко мні и сказал:

— По поручению єдной госпожи маю честь увідомити вас, што завтра отправится панихида за упокой души Романа X.

Само собом понятно, што слідуючого дня ледво церковь открыли, я уже стоял под хором. Сумний обряд о усопших, жалостне піние, тронули мене глубоко; но вмісті казалося мні, што мой друг видит мою печаль с высоты небесной, што ліє миро утішения в мое сердце и подає мні миртову вітву. Я оставил церковь с назиданием и душевным спокойом.

Не скоро, пополудни, рішился я посітити Аннусю. Несміло застукал я в двери. Знакомый голос отозвался изнутри:

— Прошу, господин Стефан!

Она ожидала мене! С бьющимся сердцем открыл я двери.
Среди комнаты стояла Анна, наряженна в білу одежду и спокойно протягла мні руку на привітствие.

Не так зділал я. Я в сей-же хвилі лежал у єй ног.

За три місяці послі того Анна була моїм женом. Люде завидують мні моєго счастья, — моєї женої, но най знають — і собственно в той ціли я всьо то россказаі — што смерть и жена по правді от Бога призначены.

